Всемирная история

Николай МИХНЕВИЧ

ИСТОРИЯ ВОЕННОГО ИСКУССТВА

ОТ ГЮСТАВА АДОЛЬФА ДО НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА

Николай Петрович Михневич

История военного искусства от Густава Адольфа до Наполеона Бонапарта

Серия «Всемирная история (Вече)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63932282
История военного искусства от Густава Адольфа до Наполеона Бонапарта / Николай Михневич: Вече; Москва; 2021
ISBN 978-5-4484-8552-7

Аннотация

В этой книге русский военный мыслитель конца XIX – начала XX века Н.П. Михневич представляет читателю очерк развития военного дела Нового времени от шведского короля Густава Адольфа до Наполеона Бонапарта. Рассказы о реформах, нововведениях, тактике и стратегии, описаниях хода важнейших событий тех времён – всё это можно найти на страницах книги. Особо выделяет автор русское военное искусство.

Содержание

Эпоха Густава Адольфа 5
Шведский период Тридцатилетней войны 24
Поход 1630 г. 29
Поход 1631 г. 35
Сражение при БрейтенФельде (Лейпциге) 17 сентября 1631 г. 50
Конец ознакомительного фрагмента. 60

Николай Михневич
История военного искусства от Густава Адольфа до Наполеона Бонапарта

© ООО «Издательство «Вече», 2021
© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2021
Сайт издательства www.veche.ru

Эпоха Густава Адольфа

Организация вооруженных сил. – Устройство войск, их боевые построения и действия. – Пехота. – Кавалерия. – Артиллерия. – Боевые порядки и боевые действия отрядов из всех родов войск. – Военно-инженерное дело. – Содержание и продовольствие войск. – Дисциплина и дух войск. – Шведский период Тридцатилетней войны. – Поход 1630 г. – Узедом. – Занятие Штетина. – Расширение базы.– Штурм Грейфенгагена. – Лагерь при Беервальде. – Поход 1631 г. – План Густава Адольфа для завоевания Германии. – Возобновление военных действий Тилли.– Вторая экспедиция Густава Адольфа в Мекленбург. – Взятие Демина.– Действия Тилли. – Маневрирование Густава Адольфа; взятие Франкфурта на Одере и Ландсберга. – Осада и взятие Магдебурга. – Взятие бранденбургских крепостей шведами; капитуляция Грейфсвальде. – Движение Густава Адольфа к Эльбе; дела при Ангерне и Бургштале; атака имперцами Вербенского лагеря. – Вторжение имперско-католической армии в Саксонию; занятие Лейпцига. – Сражение при Брейтенфельде (Лейпциге) 17 сентября 1631 г. – Операции 1631 г. после Брейтенфельдского сражения. – Вторжение короля во Франконию; взятие Вюрцбурга. – Маневрирование Тилли между Майном и Дунаем; атака Нюренберга. – Движение короля к Рейну. – Силы сторон к концу 1631 г. – Поход 1632

г. – Валленштейн.– Действия Горна во Франконии; взятие и потеря Бамберга. – Действия Густава Адольфа против Тилли. – Переправа шведов через Лех. Атака Ингольштадта; смерть Тилли. – Занятие Баварии. – Открытие военных действий Валленштейном; взятие Праги; очищение Богемии саксонцами. – Соединение имперской и баварской армий; вторжение в Верхний Пфальц. – Густав Адольф и Валленштейн под Нюрнбергом: прибытие Оксенштирна; атака лагеря Валленштейна (бой при «Старой Крепости»). – Отступление обеих армий в две противоположные стороны. – Действия на второстепенных театрах. – Возвращение шведской армии к Дунаю. – Вступление Валленштейна в Саксонию; контрмарш Густава Адольфа. – Сражение при Лютцене 16 ноября 1632 г.; смерть Густава Адольфа. – Оценка действий сторон в 1632 г. – Значение шведского периода Тридцатилетней войны в истории военного искусства. – Стратегическое и тактическое искусство Густава Адольфа.

Религиозное движение, вызвавшее в XVI столетии ожесточенную борьбу протестантов и католиков во всех концах Европы, было только предвестником страшной *Тридцатилетней войны* (1618—1648 гг.), в которой приняла участие вся Европа, за исключением России, крайне нуждавшейся в это время в отдыхе, после только что пережитого тяжелого Смутного времени.

Тридцатилетняя война в истории развития военного искусства имеет огромное значение, ибо к этому времени в теории и практике военного дела новые народы накопили богатые материалы, так что нужна была только сводка, упорядочение, систематизация их, что требовало, конечно, работы крупной личности, работы гения, который был бы в состоянии поразить умы современников. Таким гением, родоначальником великих полководцев новых народов, и явился шведский король Густав Адольф.

Гениальное умение управлять политикою и войною, необыкновенный талант успешно доводить до конца великие предприятия, несмотря даже на крайне ограниченные средства, редкая способность дать целой нации толчок в известном направлении, порыв, отражающийся на нескольких поколениях, наконец, неопределенность конечных целей обширных предначертаний человека, геройски павшего на поле битвы, – таковы характерные черты этой высоко благородной и интересной личности – черты, завоевавшие ей видное место в истории не только XVII века, но и всех времен. Как справедливо говорит его историк Де Парье, что «Густав Адольф принадлежит к роду Фридриха и Наполеона». Его взгляд на войну и способ ведения ее, отважный и завоевательный характер всех его предприятий, его ловкость в применении новых идей к действиям войск – все это как бы устанавливает родственную связь между ним и Наполеоном, ставившим его наряду с семью великими полководцами мира.

Можно безошибочно сказать, что как создатель новых положений в тактике и организации войск Густав Адольф может сравниться только с великим Фридрихом. Он вел серьезную борьбу лишь в течение двух лет с небольшим и за это сравнительно короткое время успел создать прочную, типичную школу и целую плеяду генералов, следовавших его традициям и даже продолжавших его предприятие. Он именно придал войне «современный характер».

Организация вооруженных сил европейских государств к началу Тридцатилетней войны была та же, что и в конце предыдущей эпохи, – постоянных армий не было вовсе. В случае войны войска набирались посредством неправильной конскрипции, или созыва народных ополчений, а главным образом *вербовкою* людей, промышлявших войною как ремеслом. По окончании войны эти войска распускались по домам. При подобной системе комплектования армии моральные их качества были весьма низки, что должно было влиять на дисциплинарные отношения и способы употребления войск в бою.

Шведская армия Густава Адольфа представляла собой войско *народное,* пополнявшееся по *системе поселенных войск* (короли давали военным участки земли во владение и освобождали их от податей); войска эти были дисциплинированы, хорошо снабжены и обучены, почему и имели решительное превосходство над противниками.

Устройство войск; их боевые построения и дей-

ствия. Мы знаем, что в конце XVI столетия выработался общеевропейский тип пехоты, которая разделялась на два вида: *пикинеров* и *мушкетеров.* Густав Адольф ввел в своей армии облегченные мушкеты, уменьшив их калибр, отбросил вилку, ввел бумажные патроны, которые носились сзади в кожаных сумках, сократил количество приемов при заряжании (доходившее до 99), укоротил пики на 2 фута и увеличил число алебардистов; он изменил также *отношение между пикинерами и мушкетерами* в пользу преобладания последних: у него в полку 192 пикинера и 216 мушкетеров. Вообще, он стремился *облегчить* свою пехоту, сделать ее более *подвижною* и усовершенствовать ее боевую подготовку.

Боевой порядок пехоты Густава Адольфа был усовершенствованием нидерландского боевого порядка.

Основною единицею в пехоте служил четырехротный батальон, который строился уже в 6 шеренг, причем пикинеры были в середине, имея по флангам мушкетерские взводы. В бригаде было по 2 или по 3 батальона; в первом случае два батальона строились так, как первая и вторая линии нидерландского боевого порядка, но на дистанции в 20 шагов; во втором случае один батальон становился во главе, а два других позади, уступами вне флангов, также в расстоянии 20 шагов от первого; 4 или 3 батальона, построенные таким образом, составляли шведскую бригаду. В сущности, это был нидерландский боевой порядок, только построенный в две линии так, как были построены главные силы армии Мориса

Насауского при Ньюпорте, но только на сближенных расстояниях.

В построениях бригады Густава Адольфа господствуют те же *фортификационные понятия,* которые начали проникать в тактику с конца XVI столетия. Современик Хемниц с восторгом отмечает, что шведский боевой порядок вообще (а в частности, и бригада), подобно обыкновенно укрепленному фронту, имел обеспеченные фланги при всевозможных движениях неприятеля, причем все его части взаимно друг другом поддерживались, так что он представлял собой как бы *подвижное укрепление.*

Вступая в бой, мушкетеры вздваивали ряды и, таким образом, перестраивались из 6 в 3 шеренги; прикрывши весь фронт бригады, они открывали огонь залпами, причем первая шеренга стреляла с колена; при сближении же с противником, отдав последний залп, они отбегалии за пикинеров, которые бросались в атаку. Подобные действия соответствовали *обороне.* Кроме того, шведы усиливали свой фронт искусственными препятствиями или *укреплениями,* как, напр., при Вербене и Нюрнберге, или *рогатинами* (Schweinsfeder), как у английских стрелков XIV и XV столетий, которые мушкетеры носили вместо *вилок* и втыкали их в одну линию впереди фронта, наклонив острия к противнику, так что они представляли отличное препятствие для кавалерии. Густав Адольф пришел к необходимости введения рогатин в войнах в Польше, где он особенно чувствовал потребность защи-

ты против превосходной и смелой кавалерии, посредством сильного огня и надлежащаго его прикрытия.

В Германии Густав Адольф действовал *наступательно* и потому рогатины здесь были неуместны, да и вообще бригада должна была действовать иначе. Действительно, при атаке мушкетеры оставались в шестишереножном строе на флангах пикинеров и стреляли по мере нужды, несколько выбегая вперед; перед самым же столкновением они перестраивались в 3 шеренги, делали по противнику один или несколько залпов, а затем скрывались за пикинеров, уступая им пространство, необходимое для того, чтобы ворваться в ряды неприятеля. Если сравнить боевое построение шведской бригады Густава Адольфа с испанской или немецкой бригадой предыдущей эпохи, с которыми он и столкнулся в армиях Тилли и Валленштейна, то на ее стороне окажутся те же преимущества, как и за нидерландским боевым порядком, видоизменением которого она и явилась, но была более соответственной, так как при сокращении дистанций и интервалов на известном участке позиции сосредоточивалось и больше огня, и больше пикинеров, не ослабляя в то же время подвижности всего боевого порядка. Впрочем, гибкость боевого порядка и идея резерва при построении нидерландского боевого порядка в три линии с большими между ними дистанциями достигались там лучше, чем в боевом порядке Густава Адольфа. Первый скорее был родоначальником глубокой тактики Наполеоновской эпохи, а боевой порядок Густава Адольфа

– предвозвестником линейной тактики.

В сущности, тактика пехоты эпохи Густава Адольфа носит на себе как бы отпечаток упадка. И действительно, Тридцатилетняя война имеет значение прямо противоположное войнам начала XVI столетия. Последние доставили пехоте почетное место в армиях, Тридцатилетняя же война отодвинула ее на несколько ступеней назад. Причиною этому были следующие два главных обстоятельства.

В самом начале войны решительное вмешательство Максимилиана Баварского и сражение при Праге 8 ноября 1620 г., по-видимому, совершенно ее потушили, но только по-видимому, потому что тогда-то именно она действительно и *началась.* Способ, посредством которого эта война была снова воскрешена, определил раз и навсегда ее дальнейшее *направление.* Со стороны протестантов много лет сряду вели ее *толпы искателей приключений*, во главе которых стояли своего рода кондотьеры (граф Эрнст фон Мансфельдт и герцог Христиан Брауншвейгский), которые жили на счет войны и вели ее не столько из-за идеи протестантизма, сколько из-за наживы. Чтобы существовать, протестанские кондотьеры должны были *овладевать* городами или же *грабить* селения. При необходимости овладеть городом, чтобы утолить крайний голод находившимися там запасами, уже некогда было осаждать его по правилам искусства, а следовало *нападать неожиданно,* внезапно появляясь перед его стенами; при желании же довольствоваться средствами страны

приходилось *разбрасываться,* овладевать значительною областью, так как в селениях жизненные припасы никогда не бывают сосредоточены в значительном количестве. Не очевидно ли поэтому, что у протестантских начальников *пехота* должна была потерять, а *кавалерия* приобрести значение? И действительно, они старались в составе своих армий иметь возможно больше кавалеристов. Если противники – преимущественно войска *Католической лиги* – не желали уступать им в подвижности, то должны были, в свою очередь, тоже стараться усилить свою кавалерию, к чему они на самом деле и стремились.

В равнинах Польши, где образовались войска Густава Адольфа, тоже чувствовалась потребность в сильной *кавалерии,* а так как приобретение там лошадей не представляло затруднений, то Густав Адольф и привел в составе своей армии значительные массы кавалерии. С другой стороны, вмешавшись в Тридцатилетнюю войну в то время, когда она уже продолжалась десять лет, шведский король не мог изменить ее характер, а, напротив, должен был подчиниться ему; он должен был против Тилли и Валленштейна действовать так, как и они, и подобно им, конечно, *сформировал бы* значительные массы кавалерии, если бы они уже не были в его руках готовыми. Во вторую половину его войны, после Брейтенфельдского сражения, он поневоле должен прекратить методическое наступление, ибо вынужден был удерживать за собой значительные пространства, отделяющие берег

Немецкого моря от берегов Рейна и Изара, для чего нужна была опять-таки кавалерия.

Следовательно, вот другая причина, почему в войнах Густава Адольфа пехота не могла получить первенствующего значения.

Кавалерия, получившая во время Тридцатилетней войны, по вышеприведенным причинам, большое значение, начала завоевывать себе и значительное численное приращение. Уже в середине войны нормальным отношением считалось: 1 кавалерист на 2 человека пехоты или, по крайней мере, 1 кавалерист на 3 человека пехоты; часто в войсках находилось столько же кавалерии, сколько и пехоты, иногда же первой более, нежели последней[1].

Кавалерия западноевропейских армий состояла из *кирасир,* сменивших *жандармов и драгун.* Во Франции и в Испании были еще *карабинеры,* а в имперской армии, сверх того, *венгерские гуссиры и кроаты.* Кирасиры и карабинеры, причислявшиеся к тяжелой кавалерии, имели предохранительное снаряжение (последние более легкое) и были вооружены *пиками, палашами и пистолетами;* впоследствии пики были отчасти заменены карабинами. Драгуны, гусары и кроаты

---

[1] В имперской армии в Померании в 1630 г. считалось по полному составу 31 500 чел. пехоты и 11 400 кавалерии. Тилли под Лейпцигом в 1631 г. имел 24 000 пехоты и 10 000 лошадей, в 1630 г. в армии Густава Адольфа было 32 000 пех. и 13 000 чел. конницы: при Витштоке, в 1636 г., Баннер имел 10 000 пех. и 12 000 чел. кавалерии. Французская армия в 1643 г. имела 60 000 пех. и 20 000 кавалерии.

были снаряжены еще легче, чем карабинеры; главным оружием гусар была сабля.

Драгуны были конными *мушкетерами,* иногда соединенными с конными пикинерами; они носили обыкновенно пехотное оружие, короткую саблю и небольшой топор для рубки дров и тому подобного употребления; на луке висела расщепленная лучина, с защепленным в нее зажженным фитилем.

В интересах подвижности Густав Адольф отменил некоторые части предохранительного снаряжения.

Административною единицею в кавалерии был полк. Имперский полк состоял из 10 рот, по 100 коней в роте. Полк кавалерии у Густава Адольфа имел 8 рот, в 66—72 коня каждая.

Для боя тяжелая кавалерия имперцев строилась в 8—10 шеренг, а легкая – в 5—6 шеренг. Густав Адольф принял для своей конницы построение в 3—4 шеренги, причем 4-я шеренга служила для образования резерва.

В боевом порядке кавалерия строилась поэскадронно, с интервалами в две линии. Действовала она *почти исключительно стрельбою,* пошереножно, причем атака холодным оружием была редким исключением. Густав Адольф, убедившись в войнах с Польшей в выгоде стремительных атак, *запретил кавалеристам стрелять с коня.* Впрочем, уступая обычаю, перед атакою первая его шеренга давала залп и потом врубалась в ряды.

Для придачи устойчивости своей кавалерии Густав Адольф ставил *в промежутки* между эскадронами *мушкетерские взводы* – сочетание, про которое нельзя сказать, чтобы оно было соответственным.

В общем, меры Густава Адольфа, направленные к *облегчению* своей кавалерии, к увеличению ее *подвижности,* к *уменьшению глубины* строя и к приучению ее производству стремительных *атак* и *удару холодным оружием,* дали ей большое преимущество над кавалерией противников.

Артиллерия. В конце XVI столетия артиллерия в армиях была слаба, но в Тридцатилетней войне она начинает играть значительную роль. Густав Адольф, не найдя в польских войнах лучшего средства против атак хорошей и храброй польской кавалерии, как осмысленный, хорошо поддерживаемый огонь, не довольствовался развитием до высших пределов огнестрельного боя пехоты, но старался еще усилить его многочисленною артиллериею. Для увеличения подвижности последней он, а также и его генералы старались существенно ее облегчить.

Уже в конце XVI столетия некоторые артиллеристы (напр., Диего Уфано) доказывали возможность облегчения орудий без ущерба для их прочности и дальности стрельбы; но Густав Адольф первый решился привести эти идеи в исполнение.

В армии Густава Адольфа были приняты следующие калибры: 3 ф., 6 ф., 12 ф., и 16 ф. и 30 ф. пушки; орудия были

медные и чугунные и в сравнении с прежними облегчены, но все еще некоторые были тяжелы; так, 30 ф. пушка перевозилась на 20 лошадях; 3 ф. и 6 ф. пушки требовали 4—6 лошадей.

Во время Польской войны по предложению полковника Вурмбрандта с целью облегчения подвижности орудий Густав Адольф вводит в свою артиллерию так называемые *кожаные пушки.* Они состояли из латунного ствола, с медным казенником или тарелью; ствол обматывался веревками, которые осмаливались и покрывались сверху кожею; сверху же нагонялся железный обруч с двумя цапфами. Два человека могли удобно действовать из этого орудия и перевозить его. Из кожаных пушек *стреляли картечью.*

Преждевременные выстрелы при стрельбе из этих пушек, вероятно, вследствие кусков картузной оболочки заряда, остававшихся в раковинах металла, вскоре заставили от них отказаться.

Вместе с кожаными пушками Густав Адольф ввел *полковые орудия* 3- и 4-фунтового калибра, которые весили всего 19 пудов и имели около 15 калибров длины; они перевозились двумя лошадьми, на двухколесных лафетах с оглоблями. Они, по нескольку, придавались пехотным полкам и назначались преимущественно для *стрельбы картечью.*

До этого времени картечь употреблялась только в крепостной войне.

В боевом употреблении артиллерии Густав Адольф сде-

лал следующие изменения:

1) первый начал систематически располагать свои тяжелые орудия *сосредоточенно,* устраивая преимущественно три батареи: одну в центре и по одной на флангах; 2) его полковые орудия имели возможность двигаться с войсками, сопровождая полки во всех передвижениях; 3) он первый начал употреблять *артиллерийский* резерв и, наконец, 4) так как он приучил свою армию к постройке полевых укреплений, так что она в несколько часов укрепляла огромные позиции, за которыми скрывались орудия, то при нем явилась необходимость в навесной стрельбе и после Густава Адольфа *мортиры* входят в состав полевых парков.

Боевые порядки и боевые действия отрядов из всех родов войск. Мы видели, что в XVI столетии боевой порядок всегда строился в одну линию, разделявшуюся на три части (авангард, главные силы и арьергард), которые становились рядом. Каждая из этих частей венгерского, или испанского, боевого порядка состояла из одного пикинерного батальона (терции) и приданных к нему стрелков и кавалерии. В нидерландском боевом порядке все поименованные части тоже располагались рядом, но каждая из них строилась в две или три линии. Также строилась и испанская бригада.

Густав Адольф принял *построение всей армии в две линии,* с разделением ее *на центр и два крыла.* Центр состоял из двух линий пехоты, причем каждая образовывалась из нескольких шведских бригад поставленных рядом; крылья

состояли из конницы, поставленной в линии эскадронов, по флангам линий пехоты; дистанции между линиями были от 150 до 200 шагов. Артиллерия располагалась частью при пехоте, в виде полковых орудий, частью – отдельными большими батареями, преимущественно впереди флангов пехоты.

Вторая линия боевого порядка называлась резервом (Rückhalt), или ретрогвардия (Retroguardia); но, кроме того, каждая часть первой линии имела свой частный резерв, из нескольких эскадронов кавалерии; частные резервы крыльев обеспечивали фланги, подобно резервам Александра Македонского в сражении при Гавгамелах. Общего резерва, строго говоря, не было.

При превосходстве каждого рода войск в отдельности, при искусном употреблении артиллерии и установлении прочной связи между различными родами войск Густав Адольф имел несомненное преимущество перед противниками, уступавшими ему во всех смыслах.

В бою пехота Густава Адольфа является, подобно фаланге Александра, туловищем боевого порядка; она необходима для него и составляет его корень, но в ней уже не заключается его *жизненная сила,* которая скорее сосредоточивается *в деятельных крыльях*, состоящих из кавалерии, в огнестрельном оружии и в легкой артиллерии.

Походные движения войска совершали двумя или тремя колоннами, разделяясь по-прежнему на авангард, главные силы и арьергард; войска двигались в порядке боевого по-

строения, причем каждая линия составляла особую колонну.

На отдых войска располагались в укрепленных лагерях или по квартирам. *Гарнизонная* и *сторожевая службы* отбывались особенно строго у шведов. *Сбор сведений о неприятеле* производился главным образом посредством захвата и опроса пленных. Густав Адольф часто производил рекогносцировки лично.

Военно-инженерное дело мало развилось за время Тридцатилетней войны. Понижение эскарповых стен и предпочтение земляным брустверам, более дешевым и легче исправляемым, были главными основаниями современной долговременной фортификации. В полевой войне окопы и засеки начали получать широкое применение (Вербенский и Нюрнбергский укрепленные лагеря и т.п.).

Содержание и продовольствие войск. Войска получали значительное содержание, для чего прибегали к контрибуциям с захваченных городов или прямо к мародерству. Брандмейстер, заведывавший производством фуражировок, был почетным лицом в полку.

Хорошо выясняется этот вопрос из слов Валленштейна в 1632 г., сказанных императору Фердинанду II, призвавшему его набрать армию для борьбы с Густавом Адольфом и настаивавшему, чтобы Валленштейн набирал не более 20 000 человек. На это он сказал: «20 тыс. человек могут погибнуть с голоду, а с 50 тыс. я готов выступить в поход, потому что с таким числом помощников можно налагать контрибуции во

всех землях».

В жалобах, поданных императору на притеснения его войск, говорится: «С бедным народом поступают варварски: жены и девицы предаются бесчестию и наказываются: не щадятся даже трупы. Все сопровождается побоями, поджогами и грабежем. Жители, лишенные самой необходимой пищи, голодают и, чтобы спастись от голодной смерти, утоляют свой голод самой неестественной пищей, как то: древесными почками и травою, пожирают даже собственных детей и мертвечину».

Армия Густава Адольфа получала жалованье из доходов с коронных имений. Продовольствие заготовлялось заботами короля, причем выдавалось человеку на сутки 2 ф. хлеба и 1 ф. мяса; фуражная дача на лошадь была: 6 ф. овса или 4 ф. ячменя, 10 ф. сена, кроме соломы. Одежда солдат была неформенного образца. Густав Адольф требовал только, чтобы они приобретали удобное платье, «приличное военному человеку».

Дисциплина и дух войск. В вербованных войсках служили худшие элементы тогдашнего общества или же становившиеся в ряды ради спасения от голода и ужасов бедности. Знаменитый философ Декарт, сам служивший в Германии в 1619 г., не без основания писал: «Не могу поставить военного дела на ряду с почетными ремеслами, так как вижу, что праздность и распутство – две главные причины, привлекающие в войска большинство людей». При таких услови-

ях дисциплина была в жалком положении и поддерживалась страхом наказания: при занятии бивака или расположения на ночлег в населенном пункте немедленно устраивались виселицы, которые почти никогда не оставались без применения.

Хотя в войсках Тридцатилетней войны много было выказано смелости и отваги, но было бы ошибочно предполагать, что солдаты равнодушно относились к жизни и смерти; напротив, никогда еще они так не хлопотали *о средствах против смерти,* как именно в это время; они прибегали ко всякого рода заклинаниям, к пассаускому искусству, которое, как думали, могло укрепить, закалить пли заморозить против всякого удара и выстрела.

Густав Адольф во введении *к Воинскому артикулу* 1621 г., счел необходимым запретить употребление подобных магических средств, но это запрещение не имело ни малейшего действия.

Этот артикул замечателен тем, что война в нем выставляется как дело благородное и исключающее излишнюю жестокость; *честь* составляет жизненный элемент солдата, которого должно уважать и подвергать унизительным наказаниям только за постыдные проступки. Солдат на службе должен беспрекословно повиноваться начальнику, кроме случая, если приказание начальника клонится к явному вреду короля или государства; вне службы солдат сохраняет свои гражданские и человеческие права.

При таких условиях постановки службы и национальном составе войск армия Густава Адольфа представляла грозную силу. Она *была уверена в этой силе* и питала полное доверие к своим начальникам и великому королю, обладавшему (подобно Ганнибалу) всеми качествами, необходимыми солдату и полководцу и отличавшемуся простотою привычек, железным характером, уважением к законам, многосторонним образованием и превосходным военным гением.

Подобная армия, с великим полководцем во главе, представляла такую прочную моральную силу, что была способна побеждать, даже потеряв своего вождя, как это было в сражении при Лютцене.

Краткий очерк событий шведского периода Тридцатилетней войны ближе познакомит нас со стратегическим и тактическим искусством рассматриваемой эпохи.

Шведский период Тридцатилетней войны

В начале XVII столетия Германия представляла собой множество мелких государств под главенством императоров, преемников Карла V. Несмотря на внешнюю раздробленность, Германия являла собой внушительную силу в центре Европы, находившуюся в постоянной борьбе за гегемонию с Францией. Борьба протестантов и католиков, продолжавшаяся почти целое столетие, не могла не ослабить ее внутри. В 1609 г. Генрих IV, объявив себя защитником протестантов в Германии, готов уже был перейти через Рейн с целью ослабить австрийских императоров, но был убит. Его дело решил продолжать кардинал Ришелье. Обстановка оказалась для этого благоприятною.

Успехи, одержанные Валленштейном над войсками датского короля Христиана IV, разрушили надежды протестантов. После заключения *договора в Любеке 22 мая 1629 г.* владычество императора сделалось страшным в Германии не только для протестантов – его неприятелей, но и для католиков – союзников. Фердинанд II слишком заметно давал чувствовать и тем и другим свое преобладание. Курфюрст Пфальцский скитался в изгнании, а его владения отданы были Баварии. Владения герцогов мекленбургских отданы были Валленштейну, который, в упоении своих успе-

хов, оскорблял и притеснял как протестантских владетелей, так и членов Католической лиги; наконец, по проискам иезуитов, император издал в марте 1629 г. положение о возвращении католическому духовенству всех владений, ему принадлежавших до Пассауского договора 1552 г. (Реституционный эдикт).

Еще в первом периоде войны Англия поддерживала курфюрста Пфальцского и возбуждала против императора – короля датского; всесильный Ришелье руководился тою же политикой, возбуждая к войне Густава Адольфа. Он убедил Польшу к заключению перемирия со Швецию и обещал Густаву Адольфу содействие Франции.

Окончив восемнадцатилетнюю войну с Польшей, Густав Адольф решился на великое предприятие, которое уже давно подсказывалось ему честолюбием: он решился вступить в борьбу с империей и попытаться исторгнуть у нее первенство в Германии. Силы и средства его казались весьма недостаточными для этой цели: по окончании продолжительной войны Швеция, имевшая в эту эпоху едва 1½-миллионное население, оказалась настолько же бедной в людях, насколько в деньгах, – причина, почему Густав Адольф упорно отказывался, во время переговоров с Францией определить число своих войск. Но подобное обстоятельство не могло остановить его; он прекрасно знал, что небольшое ядро дисциплинированных и прошедших отличную боевую школу войск, бывших в его распоряжении, могло быстро возрасти

после первых же успехов; он сознавал также и слабые стороны имперской власти. Ко всему этому он отлично знал способности своих будущих противников – Валленштейна и Тилли; он знал, что, несмотря на смелость и твердость характера, Валленштейн был невысокий тактик, а Тилли он называл «старым капралом» и признавал в нем более упорства, чем гениальности, даже более рутинности, чем искусства.

Французское правительство обещало Густаву Адольфу субсидии, Англия и Голландия также намеревались помогать ему. Но более всего он рассчитывал на несогласия в самой Германии, в которой существовали *три друг другу враждебные партии:* протестантская, католическая и императорская. Успехи Фердинанда II в Богемскую войну и Валленштейна на севере возвысили значение императора в Германии, который, составив свою армию, поставил во главе ее Валленштейна; на свою сторону он хотел привлечь также Тилли и Папенгейма. Когда всеобщее неудовольствие против Валленштейна на Регенбургском сейме принудило императора дать ему отставку, то, казалось, власть его должна была ослабеть, но Фердинанд составил другой план. Для уничтожения силы католической партии он решил сначала вовлечь ее в войну с Густавом Адольфом и затем начать постепенно сокращать свою армию, чтобы вся тягость войны легла на католиков.

Он предложил на Регенбургском сейме назначить общего главнокомандующего над обеими армиями – лиги и импера-

торской – и указал на Тилли. Максимилиан Баварский должен был играть первую роль.

Достигнув этого, Фердинанд вместе с открытием военных действий начал постепенно уменьшать свою армию. В то же время в прямом расчете Максимилиана было не предпринимать решительных действий, щадя свои войска, так дорого ему стоившие. А Тилли получил приказания приступить к энергичным действиям.

Этим затруднительным положением обясняется первый период действий Тилли, давший Густаву Адольфу с 15 000 войск, почти беспрепятственно утвердиться на Одере. От дальновидного короля не могли ускользнуть эти несогласия и положение Тилли, а потому он и решился начать войну с такими ограниченными силами.

Он рассчитывал, что первые же его успехи дадут ему сколько угодно солдат в самой Германии, и, подобно Ганнибалу, решился вступить в борьбу с могущественным противником. Расчеты его вполне оправдались: при высадке в Померании в составе армии Густава Адольфа было всего 4 пехотных и 2 кавалерийских полка собственно шведских войск, остальные же были из поступивших в ряды его армии чуждых шведам элементов. Помимо одиночных людей, стекавшихся в его лагерь, Густав Адольф нанял большую часть войск, распущенных королями польским и датским, курфюрстом Бранденбургским и городом Данцигом; кроме того, он завербовал три полка в Голландии, пять в Англии и

Шотландии и несколько полков в ганзейских городах.

Шведская армия быстро возросла с 15 000 человек (в июле 1630 г.) до 25 000—30 000, затем до 40 000 и 50 000 человек и более. Наибольшей численности в 75 000 человек, даже в 91 000, считая саксонцев, она достигла в августе 1632 г., когда Густав Адольф приказал всем рассеянным в Германии шведским отрядам стянуться к лагерю под Нюрнбергом.

В то же время под непосредственным начальством Валленштейна находилось 66—67 000 имперцев и баварцев; всего же, считая и отряд Папенгейма, 87 000 человек. Таким образом, в два года численность шведских войск увеличилась более чем в четыре раза, между тем как католическая армия возросла лишь на одну треть. Как в этом отношении похожа обстановка, при которой начал действовать Густав Адольф, с положением Ганнибала во время его вторжения в Италию!

Первым вмешательством Густава Адольфа в германские дела был союз с городом Стральзундом, осажденным войсками Валленштейна, на усиление гарнизона которого Густав Адольф в июне 1629 г. послал 6000 шведов под начальством шотландца Лесли.

Поход 1630 г.

Густав Адольф должен был торопиться с началом войны, чтобы спасти Стральзунд, осажденный имперскими войсками. Чтобы придать своему делу законность, он отправил в Вену предложения для соглашения, имевшие скорее вид ультиматума: Густав Адольф требовал от победителя-императора очистить Верхнюю и Нижнюю Саксонию, убрать войска с берегов Балтийского моря, возвратить герцогам мекленбургским и другим мелким князьям их права и привилегии и т.п. Гордый ответ Венского двора исключал возможность всякого соглашения, даже если бы одна из сторон чистосердечно добивалась его.

Не успевши закончить приготовления к войне, Густав Адольф приказал полковнику Лесли, командовавшему шведским отрядом в Стральзунде, *занять остров Рюген,* которым намеревались овладеть имперцы. Остров Рюген командует над Штральзундским проливом, и владеющий им может отрезать сообщения Швеции с крепостью. Полковник Лесли выполнил приказание успешно, выгнав с Рюгена имперский гарнизон и отбросив прибывший туда на подкрепление имперский отряд полковника Геца из 3000 человек пехоты и 6 кавалерийских полков.

В середине мая 1630 г. в Эльфснабенской гавани собрался шведский флот из 28 кораблей и фрегатов и 200 транспорт-

ных судов для перевозки 92 пехотных и 6 кавалерийских рот армии Густава Адольфа; всего 12 500 человек пехоты и 2000 человек кавалерии.

27 июня задержанный противными ветрами на месяц флот окончательно вышел в море и через 8 дней (4 июля) произвел **высадку войск на острове Узедом**.

Издав манифест с красноречивым изложением поводов к начатию войны, Густав Адольф вошел в связь с отрядом Лесли, занимавшим Стральзунд и остров Рюген, и решил **расширить свою базу** захватом всех важнейших пунктов побережья. Оставив полк Книпгаузена для охраны острова Узедом, он взял соседний остров Волин, а также укрепленные пункты, защищавшие устья Песны, Свины и Дивенова, взял крепости Камин и Вольгаст после непродолжительного сопротивления; только крепость Грейфсвальде продержалась до следующего года. В это время Валленштейн был у Меннингена, а Тилли в центре Германии приводил в исполнение Реституционный эдикт. В Померании было 30 000 имперских войск под начальством Торквато Конти.

Конти сосредоточил 16 000 войск в двух лагерях: при *Штолпе,* близ Анклама, на р. Пеене и при *Гарце* на Одере, выше Штетина.

20 июля Густав Адольф быстро двинулся к Штетину и, несмотря на протест герцога Померанскаго, занял его. **Занятие Штетина** доставило королю операционную базу, обеспечивало путь отступления в случае неудачи и давало воз-

можность отрезать сообщения между Восточной Померанией и Западной с Мекленбургом (переправа через Одер). Штетин *был сделан главным складочным, пунктом:* 100 000 экю и переход полка Дамица на службу Густава Адольфа были свидетельством вечного союза, заключенного им с Богиславом, герцогом Померанским. Занятие Штетина, а затем Дама и Штаргарда угрожало пути отступления имперских войск, расположенных в Анкламском лагере. Конти отозвал их и все силы расположил в сильно *укрепленном лагере между Гарцом и Грейфенгагеном.*

Густав Адольф серьезно заботился об упрочении своего положения после высадки, подобно Александру Македонскому, по высадке его на малоазиатском берегу. Этим объясняется целый ряд его экспедиций то на восток, в Померанию, то на запад, в Мекленбург.

С другой стороны, он нуждался в подкреплениях, имея лишь 17 500 человек пехоты и 2000 человек кавалерии. Подкрепления ему готовили: лорд Гамильтон в Англии, набиравший отряд в 6000 человек, и шведский полковник Фалькенберг, вербовавший три полка в Голландии; скоро могли прибыть в лагерь отдельные группы распущенных Валленштейном солдат. Густав в ожидании этих подкреплений вызвал часть войск из Польши и Лифляндии от Оксенштирна и приказал набрать два полка из лапландцев, которые, впрочем, оказались негодными для войны и были возвращены на родину.

Видя бездеятельное поведение Т. Конти, *Густав Адольф решил вторгнуться в Мекленбург* как с целью расширения базы, так и для поддержки своих союзников. В середине сентября, оставив Тейфеля с 6000 против имперцев, Густав Адольф с 6000 человек отплыл в Стральзунд, где и высадился 1 октября, думая оттуда двинуться к Ростоку сухим путем. Герцог Савелли, получив подкрепления от Конти, начал маневрировать, чтобы заставить шведов отойти за р. Рекниц. Трудность продовольствия и слабость сил заставили Густава Адольфа вернуться в Стральзунд и Штетин, оставив для поддержки союзников в Рибнице и Дамгартене 3000 человек Баннера, а затем приказал ему обложить Демин.

В отсутствие Густава Адольфа Конти два раза атаковал шведов у Штетина, но оба раза неудачно и с большими потерями, почему отступил в лагерь у Гарца. Небольшие шведские отряды, бурею занесенные на берега Восточной Померании, овладели всем побережьем, кроме Кольберга, который был осажден.

Между тем в суровое время года войска Конти таяли, что знал Густав Адольф от массы перебежчиков, ежедневно прибывавших в шведский лагерь. Согласно просьбе его, Конти был отозван и заменен Шаумбургом, храбрым генералом, но не способным бороться с Густавом Адольфом. Думая, что с наступлением зимы шведы прекратят военные действия, Шаумбург раскинул свои войска по квартирам. Густав Адольф решил воспользоваться этим: он сосредоточил вой-

ска *за р. Ина, близ Голнова,* отозвал из-под Демина отряд Баннера в Штетин и 2 января 1631 г. с 12 000 пехоты и 6000 кавалерии выступил из Гольнова, а 4 января при содействии сильной артиллерии, подвезенной на барках по Одеру, сделал бреши и **штурмовал крепость Грейфенгаген,** обороняемую двух с половиной тысячным гарнизоном. Гарц был очищен Шаумбургом без сопротивления. Войска его отступили частью на Франкфурт, частью на Ландсберг. Блокировав Ландсберг 4-тысячным отрядом Тотта и приведя Гарц в оборонительное положение, для обеспечения сообщений с Штетином, Густав Адольф **расположился в Беервальде,** небольшом городке, недалеко от правого берега Одера, верстах в 25—30 ниже слияния его с Вартой.

Шаумбург с 8000 пехоты и 4000 кавалерии обратился к Тилли, бывшему в Саксонии (в Гальберштадте), с просьбою выручить его из опасного положения. Тилли собрал около 30 000 человек и двинулся к Магдебургу, чтобы взятием этой важной крепости не только обеспечить себе твердый опорный пункт и основание для дальнейших действий, но и для того, чтобы наказанием герцога Бранденбургского Христиана Вильгельма устрашить тех германских князей, которые, быть может, помышляли уже стать на сторону шведского короля.

В это время некоторые протестантские князья составили «нейтральную лигу», которая должна была держаться одинаково как с королем шведским, так и с императором до той

минуты, пока ей не придется предложить свое посредничество.

Итак, 1630 г. близился к концу, а Густаву Адольфу не удалось еще сформировать против императора коалицию, на которую он рассчитывал. Не встречая сочувствия даже среди единоверцев, король не мог не беспокоиться за будущее.

Поход 1631 г.

Кампания 1631 г. началась с большими шансами на успех для Густава Адольфа: 23 января в Беервальде был подписан союзный договор с Францией, по которому Густав Адольф обязался для войны с императором содержать 30 000 человек пехоты и 6000 конницы, а Франция – уплачивать ему ежегодную субсидию в 1 200 000 ливров. Теперь только Густав Адольф мог приступить к исполнению еще осенью задуманного обширного плана. Предвидя, что скоро перед ним будут все силы императора и Католической лиги, он намеревался умножить количество атак и диверсий, чтобы заставить противника разделиться, а затем предполагал взять все прибрежье Балтийского и Северного морей от границ Польши до Голландии; овладев устьями главных рек и окончательно отбросив имперцев от морских берегов, он думал вторгнуться в сердце империи, твердо решившись не складывать оружия, пока не будет сломлено и уничтожено могущество Габсбургского дома в Германии.

Для исполнения описанного плана король хотел создать пять армий: 1) 21 600 человек пех. и 6500 кавалерии под начальством самого Густава Адольфа должны были действовать между Стральзундом и Эльбой; 2) Горн с 15 600 человек пехоты и 2660 кавалерии к востоку от Стральзунда до Кольберга; 3) Тейфель с 9000 пехоты и 2500 кавалерии –

еще восточнее, от Кольберга до польской границы; 4) войска Магдебурга с 6000 человек, навербованными Фалькенбергом в Голландии (всего около 17 000 человек), предполагалось двинуть между Эльбой и Везером до прибытия подкреплений из Швеции и 5) пятая армия долженствовала закрыть промежуток между Везером и Эмсом[2].

Нам кажется, что этот план не носит на себе следов творчества великого полководца: 1) отрание империи от моря не имело никакого значения, так как Швеция, Англия, Голландия и ганзейские города были полными обладателями северных морей, 2) пять армий разбрасывались кордоном почти на 700 верст по фронту, причем в главной из них было всего 28 000 человек. Подобная разброска сил неминуемо должна была привести к безрезультатной «малой войне большой армией», как это и было в конце XVIII и начале XIX столетия.

Возобновление военных действий Тилли. В первых числах января Тилли появился перед Магдебургом с 24 100 человек пехоты, 6400 человек кавалерии и 86 орудиями. После тщетных попыток овладеть крепостью он оставил перед ней Папенгейма с 8000 человек и двинулся к Одеру на соединение с Шаумбургом, у которого было всего 12 000 человек. Имея, таким образом, 34 000 человек, он, оставив во Франкфурте гарнизон из 4 полков (5000 человек), двинулся на Ландсберг и заставил полковника Тотта отступить к беервальдскому лагерю, все еще занятому войсками Густава

---

[2] Про этот план упоминают Гримуар, Клаузевиц и Ла-Рош-дю-Жарри.

Адольфа.

Густав Адольф хотел открыть кампанию, овладев Франкфуртом и Ландсбергом; теперь близость Тилли делала невозможной эту двойную атаку; необходимо было отвлечь его в сторону и затем, быстро вернувшись, овладеть ими.

С этою целью Густав Адольф, оставив в Новой Марке Горна с 6000 пехоты и 3000 кавалерии, сам с 16 000 человек двинулся к Штетину. Горну рекомендовалось быть не в Беервальде, но в *Сольдине* и оттуда наблюдать за движениями противника, не ввязываясь в серьезный бой. Если бы имперцы дали ему свободу действий, то ему предписывалось взять Ландсберг; если же, наоборот, имперцы сильно потеснили бы его, то он должен был отступать до Штаргарда, чтобы прикрыть одновременно и Штетин, и осаду Кольберга.

Вторая экспедиция Густава Адольфа в Мекленбург; взятие Демина. Король выступил из Штетина 2 февраля, занял без боя Пренцлау, Ной-Бранденбург, Трептов и Клемпенов, соединился с 3000, приведенными Книпгаузеном из Стральзунда, и обложил Демин, в котором был герцог Савелли с 4000 человек.

Тилли узнал о заходе Густава Адольфа, находясь в окрестностях Ландсберга; он немедленно вернулся во Франкфурт, но, не имея заготовленного продовольствия, не мог броситься по пятам шведской армии, почему и послал приказание Савелли продержаться в *Демине* по меньшей мере три недели, а потом, в случае сдачи крепости, отступать на Росток.

Но Савелли, боясь потерять награбленные богатства, сдался через три дня (25 февраля), с правом отступления с оружием и имуществом, и, кроме того, отступил не на Росток, а к югу, на соединение с Тилли.

С падением Демина путь на Мекленбург был открыт королю шведскому; *Тилли,,* полагая, что Густав Адольф туда и двинется, *решил искать с ним встречи и боя.* С 25 000 человек и 25 орудиями он и двинулся через Бранденбург. Густав Адольф только этого и ждал; оставив Баннера в Демине, Книпгаузена с 2000 в Ной-Бранденбурге и приказав Тотту энергично продолжать осаду Грейфсвальде, сам с половиною армии через Штетин двинулся к Франкфурту, где остались 8000 человек Шаумбурга.

Между тем Тилли, выступив из Франкфурта, направился к западу, чтобы держаться дальше от левого берега Одера, почти столь же опустошенного, как правый, перешел Шпрее у Фюрстенвальдё, Гавель – у Бранденбурга и затем через Фербеллин перешел в Рюппин. Узнав там лично от Савелли, которого он с позором выгнал из своего лагеря, о сдаче Демина, *он остановился на несколько дней*, не зная, в каком направлении двинуться. Двинувшись потом на север, он взял Федельберг, гарнизон которого поголовно был изрублен, а потом приступил к осаде Ной-Бранденбурга, обороняемого Книпгаузеном. Густав Адольф послал приказание очистить Ной-Бранденбург, но письмо было перехвачено имперцами, и Тилли надеялся этой осадой вызвать Густава Адольфа дви-

нуться на выручку крепости и вступить в столь желанный бой. Но шведская армия не появлялась. Тогда, овладев крепостью после штурма 13 марта, он вырезал весь гарнизон с мужским населением города. Имперцы пощадили только Книпгаузена и около 60 пехотинцев.

Маневрирование Густава Адольфа; взятие Франкфурта на Одере и Ландсберга. Взятие Кольберга (12 марта) вознаградило Густава Адольфа за потерю Ной-Бранденбурга. Приказав Горну с 7000 человек из-под Кольберга перейти на левый берег Одера, к Фридланду в Мекленбурге, для прикрытия вместе с Баннером осады Грейфсвальде, Густав Адольф с 10 000 пехоты и 5000 кавалерии поднялся по Одеру и *расположился близ Шведта,* на полуострове, образуемом одним из рукавов реки, где устроил укрепленный лагерь; *два моста,* также прикрытые сильными укреплениями, давали ему возможность переправиться с одного берега на другой, не переходя каждый раз в Штетин.

Присутствие короля в Шведте, Баннера в Демине и Горна в Фридланде *побудили Тилли отступить к Рюппину,* откуда он мог двинуться или на Одер, или в Мекленбург. Посланный им на рекогносцировку граф Коллоредо с отрядом в 2500 человек признал укрепления Шведта очень сильными и отговорил Тилли от атаки. Тогда генералиссимус решил двинуться к Магдебургу на соединение с Паппенгеймом, с целью не только овладеть городом, но и заставить Густава Адольфа последовать за ним. Но последний был более заинтересован

в окончательном овладении линией Одера, для чего необходимо было взять Франкфурт. Это предприятие могло тоже и оттянуть Тилли от Магдебурга, так как, по всем вероятиям, он должен был бы двинуться на выручку Шаумбурга.

Приказав Горну очистить Фридланд и занять Гарц и оставив несколько полков гарнизоном в шведском лагере, король выступил 12 апреля с 20 000 человек при 200 орудиях, в числе которых, вероятно, было много кожаных. Войска шли по обоим берегам Одера, а тяжелые орудия перевозились водою на барках. Комендант Кюстрина не только пропустил шведов, но даже снабдил их продовольствием.

12 апреля король появился под *Франкфуртом,* а на следующий день штурмовал город, по взятии которого отдал его на 3 часа на разграбление. В этот день шведы лишились не более 400 человек убитыми и ранеными, император же потерял 7 пехотных полков и кавалерийский, 21 орудие, 26 знамен, 4 штандарта и важный стратегический пункт; «то был первый громовый удар короля шведского».

Отсюда, взяв 2200 человек пехоты и 800 кавалерии, король двинулся к *Ландсбергу;* туда же от Гарца двигался и Горн. Окрестные крестьяне указали шведам малоизвестный путь через болота, окружавшие крепость; они появились неожиданно на половину пушечного выстрела, быстро овладели передовыми укреплениями, и *26 апреля крепость сдалась* под условием выпуска гарнизона с воинскими почестями.

Овладев течением Одера, от Силезии до моря, владея широкою приморскою полосою, Густав Адольф мог смело двинуться или в коронные владения императора – в Саксонию, или в Бранденбург, не опасаясь быть отрезанным от пути отступления. *Уширив базу, Густав Адольф достигнул лучшего обеспечения своей операционной линии.*

Католики были поражены успехами шведов, а в Вене опасность казалась столь грозной, что немедленно принялись за поправку укреплений столицы. Император был раздражен на своих советников, рисовавших ему шведское вмешательство как факт, не могущий иметь последствий.

Судьба империи, по-видимому, находилась в руках конвента 62 протестантских князей, съехавшихся в Лейпциг. Густав Адольф не преминул послать туда своих агентов для привлечения союзников и лично известил курфюрста Саксонского о взятии Франкфурта. Но, несмотря на старания представителя Франции, конвент разошелся, «не сказав, как говорят, ни слова о Швеции и не произнеся ни разу имени Густава Адольфа». Они рассчитывали переговорами склонить на уступки императора Фердинанда II.

Осада и взятие Магдебурга. Взятие бранденбургских крепостей шведами: капитуляция Грейфсвальде. Тилли был в 16½ версты от Магдебурга, в Мекерне, когда получил известие о движении Густава Адольфа к Франкфурту. Тотчас же он с большею частью сил направился на выручку крепости, но в Ютерборге получил известие о штурме

и взятии шведами Франкфурта; тогда он снова вернулся к Магдебургу и стал у Пегау, на Эльбе, начав осаду крепости. Гарнизон ее под начальством полковника Фалькенберга состоял из 2000 человек пехоты и 300 человек кавалерии, что было далеко не достаточно. С прибытием Тилли число осаждавших дошло до 26 000 человек при 80 орудиях, не считая 5000 человек, отправленных в Десау для обороны переправы через Эльбу. Жители неохотно защищали город, но Фалькенберг с энергией отстаивал каждый шаг. Густав Адольф убеждал продержаться еще недели три. Обе стороны ожидали, что король поспешит на выручку одного из важнейших опорных пунктов протестантизма. Действительно, он выступил из Франкфурта на Одере с 18 000 человек пехоты и 7000 человек конницы и 10 мая был в 12½ версты от Берлина, у Кепеника. Не желая рисковать наступлением, не обеспечив свою операционную линию занятием ближайших крепостей, он *потребовал передачи шведам крепостей Кюстрина и Шпандау,* чего добился только личными угрозами курфюрсту в Берлине, 16 мая его армия достигла Гавеля левым крылом у Потсдама, а правым у Шпандау; путь на Магдебург был открыт; можно было идти или через Бранденбург на Мекерн, или южнее – на Виттенберг или Дессау. Первый путь шел по разоренному краю и приводил к форсированной переправе через Эльбу; тоже было и у Дессау; *Виттенберг* принадлежал саксонскому курфюрсту, с которым и вступил в переговоры Густав Адольф, надеясь уговорить его присо-

единить свои войска к шведской армии для совместных действий против Тилли. Переговоры затянулись, а между тем была получена страшная весть о *магдебургской резне*.

Тилли, зная о близости Густава Адольфа, боялся штурмовать сильную крепость, но сдался на увещания Папенгейма. На рассвете, *20 мая* имперцы неожиданно ворвались в город и начали ужасную резню. Весь гарнизон и более 20 000 населения (почти две трети) погибли от меча и огня. Донося о штурме Магдебурга, Тилли совершенно справедливо писал, что «со времени взятия Трои и Иерусалима не было столь полного разрушения».

Протестанты обвиняли в разгроме Магдебурга шведского короля, но он в манифесте слагал всю вину на курфюрстов Саксонского и Бранденбургского, двуличие и нерасположение которых заставили его приостановить движение армии, причем обвинял и Магдебург за слабую оборону и нежелание расходоваться на наем войск и приведение крепости в оборонительное положение.

Нельзя было обвинять Густава Адольфа за то, что он, не имея обеспеченного пути отступления, не решился форсировать переправу через Эльбу у Виттенберга. Поступки курфюрста Бранденбургского не замедлили доказать основательность мер предосторожности, принятых Густавом Адольфом против него. Оттягивая передачу Кюстрина, курфюрст потребовал возвращения и Шпандау, говоря, что он передал его королю шведскому для облегчения спасения

Магдебурга. Подобные увертки надоели Густаву Адольфу. Он очистил Шпандау, двинул армию на Берлин и, наведя пушки на дворец курфюрста, заставил его подписать официальный трактат, по которому он сдавал шведам Шпандау до конца войны, давал им свободный проход через Кюстрин, содержа в крепости бранденбургский гарнизон, и, кроме того, обязался уплачивать ежемесячно по 30 000 талеров на содержание армии.

После этого, расположив армию под начальством Баннера в Шпандау и Бранденбурге для наблюдения за движениями Тилли, сам король отправился в Штетин для переговоров с канцлером Оксенштирной и послом царя Михаила Феодоровича, с которым заключил секретный трактат, условия которого до сих пор в точности неизвестны.

К этому времени *сдалась крепость Грейфсвалде* и войска Тотта были двинуты для окончания покорения Мекленбурга.

Между тем Тилли, по-видимому, перестал заниматься шведской армией и, оставив Паппенгейма с 7000 человек в Магдебурге, с 25 000 войск двинулся в Тюрингию против ландграфа Гессенского, склонного к партии шведского короля. Но этому помешал вернувшийся в Померанию Густав Адольф. Он предполагал теперь утвердиться на Эльбе, угрожая Нижней Саксонии. Вторжение в Южную Германию было невозможно, так как, за выделением гарнизонов, армия в поле была слаба.

Движение Густава Адольфа к Эльбе; дела при Ангерне и Бургштале; атака имперцами Вербенского лагеря. Отступление Тилли в Саксонию. Заняв Франкфурт на Одере и выделив Горна с 9000 войск для обороны силезской границы, Густав Адольф имел под рукою всего 12 000 человек, с которыми он и решил маневрировать между р. Гавелем и р. Эльбою, чтобы притянуть Тилли на поддержку Паппенгейма и тем облегчить положение ландграфа Гессен-Касельского, а также выждать, когда протестантские князья признают себя его союзниками.

8 июля Густав Адольф выступил из Берлина с 6000 кавалерии и 2000 мушкетеров к переправе через Эльбу у Иерихова, но Паппенгейм перешел из Магдебурга к Тангермюнде. Тогда Густав Адольф двинулся вверх по правому берегу Эльбы, как бы угрожая Магдебургу. Паппенгейм вернулся назад, и тогда шведский отряд Ранцау переправился через Эльбу выше Тангермюнде и занял этот пункт. Из собранных лодок и материалов был наведен мост, и переправившаяся шведская армия расположилась *в Вербенском укрепленном лагере,* при слиянии Гавеля с Эльбою. Тыл и фланги лагеря прикрывались рекою, а фронт плотинами.

25 июля в Вербене сосредоточилась вся королевская армия, за исключением необходимых *гарнизонов,* сосредоточенных в Шпандау, Фербелине, Бранденбурге и Ратенове.

Паппенгейм, укрепив Магдебург, отступил к Гальберштадту; на соединение с ним двинулся Тилли, принужден-

ный бросить экзекуцию ландграфа Гессен-Касельского. 27 июля Тилли соединился с Паппенгеймом у Вольмирштедта и выслал 4 кавалерийских полка на рекогносцировку к стороне Тангермюнде. Как раз в это же время из Вербенского лагеря Густав Адольф с 3000 кавалерии и 500 мушкетеров и пеших драгун двинулся навстречу католической армии и в ночь с 28 на 29 июля атаковал с трех сторон, при *Ангерне и Бургштале,* беспечно стоявших на квартирах имперцев. С потерею 1000 человек они отступили к Вольмирштедту, а Густав Адольф ушел в лагерь.

Тилли двинулся теперь для атаки Вербенского лагеря; но положение короля должно было скоро улучшиться: к нему шли на подкрепление 8000 шведских войск, высадившихся с королевой в Вольгасте, и 6000 англичан и шотландцев, высадившихся у Пенемюнде; эти 6000 должны были сменить Горна на силезской границе, а более опытные войска последнего были притянуты к Эльбе.

5 августа *Тилли произвел штурм Вербенского лагеря,* но был встречен в упор залпом артиллерии и сильным огнем мушкетеров из-за укреплений; кавалерия шведская, выскочив из-за окопов, атаковала оба фланга имперцев, которые отступили с потерей около 6000 человек. Тилли предполагал повторить атаку на следующий день, но, узнавши о присоединении к войскам, оборонявшим лагерь, только что прибывших 9000 Горна, решился отступить на Тангермюнде и Вольмирштедт. Шведская кавалерия назойливо преследова-

ла имперцев, причем здесь отличился молодой герцог Бернгард Веймарский, примкнувший к шведам с навербованными в Нижней Силезии войсками.

Между тем Тилли нашел невозможным оставаться в Вольмирштедском лагере среди опустошенной страны; отозвав гарнизоны из Нижней Саксонии и старой Бранденбургской Марки, он решил отступить в Саксонию и окончательно очистить край, служивший ему театром военных действий в течение шести лет.

Вторжение имперско-католической армии в Саксонию; занятие Лейпцига. По приказанию императора Фердинанда II Тилли послал курфюрсту Саксонскому Иоанну Георгу ультиматум, требуя впуска имперской армии в Саксонию, безусловного повиновения императору и подчинения Тилли саксонских войск; но, не дождавшись ответа, Тилли 28 августа во главе 23 000 войск выступил из Вольмирштедта. В Эйслебене к нему присоединились 17 000 графа Эгон-Фюрстенберга; к этим 40 000 Тилли приказал идти на соединение 8000 Альдрингера из Швабии и 11 000 Тифенбаха из Силезии. Последний не исполнил приказания, так как получил от двора категорическое повеление прикрывать коронные земли.

4 сентября Тилли выступил из Эйслебена, у Галле перешел Заалу и через Шкейдиц двинулся к Лейпцигу. Это кружное движение облегчало возможность саксонской армии отойти на соединение со шведами, что она и сделала, со-

бравшись у Торгау, вне ударов Тилли. Курфюрст Саксонский отправил Арнима к королю шведскому с просьбой о безотлагательной помощи. Казалось, что лучше было бы Тилли из Эйслебена двинуться на Магдебург или Дессау, переправиться там через Эльбу, овладеть Виттенбергом и, опираясь на Среднюю Эльбу, отрезать саксонцев от шведов.

Узнав о движении Тилли, Густав Адольф переправился через Эльбу 26 августа и занял выжидательное расположение у Бранденбурга. Заключивши союз с курфюрстом Саксонским, он двинул армию на Виттенберг, переправился здесь через Эльбу и, наконец, в Дюбене на Мульде, *15 сентября соединился с саксонской армией,* шедшей из Торгау. В тот же день, после 48-часового бомбардирования, сдался имперцам Лейпциг. Здесь на оборонительной позиции Тилли решил выждать присоединения войск Альдрингера, что было вполне правильно. Но выжидание не отвечало характеру молодых генералов католической армии, жаждавших славы и добычи. В плане своего начальника Паппенгейм усмотрел «робость, позорную для имперского оружия»; его поддерживали Фюрстенберг и другие высшие начальники, кроме Шаумбурга. Тилли не посмел взять на себя ответственность за оборонительный способ действий и, вопреки своему собственному убеждению, решился на переход в наступление, в то время как и Густав Адольф сознавал необходимость напасть на имперцев до подхода к ним подкреплений. На военном совете в шведском лагере курфюрст Саксонский высказался за необ-

ходимость решительных действий.

16 сентября утром союзная армия переправилась через Мульду и двумя колоннами двинулась к Лейпцигу; ночевала она в окрестностях Волькау.

Сражение при БрейтенФельде (Лейпциге) 17 сентября 1631 г.

17 сентября утром союзная армия двинулась далее вперед: шведы – на Подельвиц, а саксонцы – левее, на Челькау и Гебшельвиц. Так как местность между Волькау и Подельвицем совершенно открытая, то шведы двигались в боевом порядке; *правое крыло их имело в первой линии* 8 эскадронов (5 полков – 40 корнетов); в четырех интервалах между ними было расположено по 180 мушкетеров (всего 720 человек), а за тремя интервалами, не заполненными мушкетерами, – 3 эскадрона (12 корнетов); *во второй линии* было 15 корнетов (5 эскадронов).

Центр – первая линия — 4 бригады пехоты: за ними 2 эскадрона, в промежутках между ними и по флангам – мушкетеры; *вторая линия* — против интервалов первой, 3 бригады пехоты, за которыми тоже стояли два эскадрона.

Левое крыло в первой линии имело 6 эскадронов вперемешку с мушкетерами и во второй линии – 3 эскадрона.

Правым крылом командовал сам *король* при помощи генерала *Баннера;* центром – *Тейфел,* левым крылом – *Горн.*

Артиллерия: батарейные орудия должны были выехать перед флангами центра; при бригадах первой линии были *полковые орудия,* действовавшие в интервалах; часть легких орудий (вероятно, отмененные регламентом кожаные пуш-

ки), кажется, были в резерве.

Числительность шведской армии: 11 300 пехоты, 7000 кавалерии, 600 артиллерии, всего около 19 000 человек.

Саксонская армия (15 000 человек) строилась, имея пехоту (10 полуполков) в центре, кавалерию (12 эскадронов) на флангах и артиллерию впереди фронта (16 тяжелых и 26 картечных орудий). Пехота и кавалерия построилась в форме клина.

На основании решения военного совета утром 17 сентября Паппенгейм с 2000 кавалерии двинулся по Дюбенской дороге и столкнулся у Челькау с саксонцами Арнима, которые оттеснили кавалерию нмперцев и начали строить боевой порядок. Шведы отстали, почему Паппенгейм был в полной уверенности, что они еще не соединились с саксонцами. Об этом было послано донесение Тилли, с напоминанием об ответственности; сам Паппенгейм отступал в юго-западном направлении.

В 8½ часа утра Тилли двинул часть своих главных сил на помощь Паппенгейму, направляясь на Видерич. *Авангард* (правое крыло) Фюрстенберга в 9½ часа утра двинулся через Видерич к Брейтенфельду и Подельвицу, но Тилли приказал ему двинуться вправо, к Зеегаузену, на смену Паппенгейму, что им и было исполнено в 10 часов утра. Появление Фюрстенберга заставило саксонцев начать построение боевого порядка под огнем артиллерии. Фюрстенберг развернул свою кавалерию, а левее ее – 3 батальона пехоты между Зее-

гаузеном и Дюбенскою дорогою, выставив 8 орудий на позицию восточнее дороги на Гальгенхюгеле. Правое крыло имперцев вело не особенно решительный бой, давая время построиться подходившим к полю сражения главным силам. Около 10½ часов утра построились первые пехотные части *главных сил* (центра), а в 11¼ часа устроился и *арьергард* (левое крыло), поступивший под начальство Паппенгейма; центр Тилли состоял из 4 полков кавалерии и 7 батальонов пехоты, к ним присоединились еще 3 батальона, первоначально назначенные в состав левого крыла (всего 10 батальонов), *левое крыло* состояло из 6 кавалерийских масс и 1 батальона; 20 орудий центра стали на высоте к западу от Дюбенской дороги. Пехота, вероятнее всего, была построена в испанские бригады, так как Тилли, получивший свое тактическое образование в нидерландских войнах, во всех сражениях употреблял испанский способ построения.

Между тем кроаты, высланные вперед Паппенгеймом, встретились со шведскою кавалериею и были ею опрокинуты; за нею двигалась вся армия, несколько задержанная переправою через ручей Лобербах к северу от Подельвица. Для прикрытия переправы Густав Адольф выдвинул к юго-востоку от Подельвица *часть батарейных орудий.* Так как расстояние между Подельвицем и Челькау (всего около 1600 шагов) было недостаточно для полного развертывания шведской армии, то все ее части должны быть вначале *вздвоить ряды,* т.е. пехота построилась в 12, а кавалерия в 6 шеренг.

Как только шведы показались восточнее Подельвица, имперская батарея тяжелых орудий из центра открыла огонь, но действие ее было незначительно; напротив, шведская батарея у Подельвица имела больший успех.

Если бы в это время Тилли произвел атаку, то шведам, может быть, пришлось бы плохо, потому что они были еще тесно расположены между Подельвицем и Лобербахом; но Тилли не воспользовался этим и ограничивался канонадою.

Густав Адольф сделал *в полдень* необходимые распоряжения для окончательного развертывания шведской армии, причем правое крыло должно было двинуться через Подельвиц к Брейтенфельду и Деличской дороги, т.е. *вправо,* а левое крыло – войти в связь с саксонцами.

Саксонцы, ободренные осторожностью имперцев и близостью шведов, двинулись в атаку, закрыли свою батарею, но начали нести большие потери от батареи авангарда имперцев. Фюрстенберг двинулся им навстречу и атаковал их с фронта, в то время как кроаты охватили их левый фланг и бросились на обозы.

Видя этот успех, Тилли приказал начать общее наступление; пехота правого крыла имперцев при этом столкнулась с саксонскою пехотою и обратила ее в бегство. Центр и левое крыло саксонцев бежали с поля сражения, и только правое крыло Аргейма и кавалерия старались держаться против Фюрстенберга. Имперцы овладели саксонской батареей и обратили ее огонь на войска Аргейма и левого крыла швед-

ской армии; правое же крыло имперцев сделало захождение налево, угрожая охватом фланга союзников. Положение их было бы безвыходное, если бы Тилли одновременно атаковал это крыло своими главными силами; но он не оценил этого положения и не воспользовался им.

Между тем Паппенгейм двинулся против правого крыла шведов; навстречу ему Густав Адольф выдвинул вторую линию под начальством Баннера. Жаркий бой завязался между кавалериями обеих сторон.

К 2½ часа пополудни армия Тилли охватила оба фланга армии союзников, но при этом разорвалась на три отдельные части, так что оба крыла вступили в бой, а центр не принимал в нем участия. Со стороны шведов в бой вступила только небольшая часть армии. Густав Адольф, быстро поняв обстановку, посылает приказания: *Горну,* с конницею левого крыла, броситься и отрезать правое крыло Тилли от центра; Тейфелю, с 2 бригадами второй линии центра, поддержать Горна, и, кроме того, туда же направлена была часть конницы из первой линии правого крыла. Горн, впрочем, все сделал по собственной инициативе. К нему же пристроилась и оставшаяся на поле сражения саксонская кавалерия. Против этой атаки имперцы держались храбро, но, когда подошла пехота Тейфеля и конница с правого крыла, они обратились в бегство, причем шведская кавалерия частью их преследовала. Победа имперцев над саксонцами благодаря действиям шведов обратилась в поражение самих имперцев.

Теперь нужно было поддержать Баннера, который потеснил конницу Паппенгейма, но, наткнувшись на пехоту имперцев, сам должен быть отступать. Король двинул ему на помощь часть кавалерии и несколько полковых орудий. Они обстреляли имперский батальон картечью, и затем в него врубилась кавалерия. Паппенгейм под прикрытием батальона устроил свою конницу. Король поручил Баннеру покончить с нею, а *сам обратился против неприятельского центра.* Там пехотные массы имперцев, поддержанные кавалерией, двинулись против центра шведской армии, а тяжелая артиллерия шведов не могла встретить их огнем, так как орудия сильно раскалились. Тогда Густав Адольф *вызвал вперед артиллерийский резерв,* который находился в 400 саженях от наступавших батальонов Тилли и расстроил их своим огнем. Заметив это, он с оставшимися свежими эскадронами первой линии правого крыла бросился в тыл неприятельской пехоты, чтобы отрезать ее от Линкельвальда. Как только показалось облако пыли, поднятое шведскою кавалерией, часть имперской пехоты, уже поколебленная огнем резервной шведской артиллерии, обратилась в бегство; за нею последовали и конные полки Тилли. Только 4 старых испытанных батальона имперцев устояли и отступали к лесу твердым шагом, часто останавливаясь для отражения атак, безостановочно веденных шведскою кавалериею. При атаке Густав Адольф захватил большую имперскую батарею, оставшуюся без прикрытия, и повернул ее против неприятельской пехо-

ты, а Горн послал на подкрепление королю часть своей кавалерии с легкою саксонскою кавалериею.

Храбрые имперские батальоны, осыпаемые со всех сторон картечью, продолжали сражаться и были совершенно уничтожены, покрыв себя бессмертною славою. К вечеру шведы одержали полную победу. Король послал для преследования свежие конные части, бывшие за пехотой. Паппенгейм же, после продолжительного боя сбитый наконец Баннером, старался прикрыть отступление, или, скорее, бегство, наголову разбитой имперской армии.

Потери имперцев были 16 000—18 000 человек, из которых 10 000 остались на поле сражения. Шведы потеряли только 1000 человек, а саксонцы несколько более, причем многие разбежались, но когда узнали об одержанной победе, то снова собрались, чтобы принять участие в ее славе.

В этом сражении *решительная роль принадлежит кавалерии, пехота* же принимает далеко не такое деятельное участие: у шведов 5 бригад (4 первой линии и 1 второй) вовсе не вступали в бой и только 2 бригады, приведенные Тейфелем на поддержку Горну, действовали против правого крыла Тилли, но и то сравнительно мало. Саксонская же пехота с самого начала бежала; у имперцев один батальон у Паппенгейма и четыре в центре вели себя доблестно, особенно последние.

Артиллерия имперская и саксонская мало содействует работе других родов войск; шведская же принимает деятельное

участие в бою: прикрывает своим огнем построение войск, ослабляет действие имперской артиллерии и как на правом крыле шведов, так и в центре, совместно действуя с кавалерией, значительно облегчает задачи.

Тилли, неправильно ориентированный Паппенгеймом, вступает в нецелесообразный бой, дважды упускает минуту для перехода в наступление, а затем переходит в наступление несвоевременно и неумело, упускает из вида управление боем и не принимает должных мер к спасению того, что еще можно было спасти.

Густав Адольф решает вполне правильно вопрос о *целесообразности* сражения. Все время он следит за развитием и ходом боя, своевременно поддерживает оба крыла, причем левое крыло Горна он усиливает даже частью кавалерии правого крыла, далее вводит в бой *артиллерийский резерв* и, наконец, искусно выбирает минуту для решительнрго удара кавалерией. Его помощники, Тейфель и Горн в особенности, проявляют частную инициативу и тем облегчают работу короля. Актом преследования завершается победа.

Отсутствие общего резерва в боевом порядке шведов затрудняет управление боем, заставляя, например, для поддержки левого крыла Горна приводить часть кавалерии правого крыла, а для усиления последней атаки в центре приводить части с обоих крыльев.

Сражением при Брейтенфельде (под Лейпцигом) заканчивается первая половина похода Густава Адольфа, пред-

ставляющая замечательное сочетание *осторожности с решительностью,* вызванное не вполне выяснившимся положением короля даже в среде протестантской партии в Германии. По высадке он принимает немедленно меры к организации и *прочному обеспечению своей базы,* довольствует армию посредством подвозов всего ей необходимого и не идет внутрь страны, не обеспечив *пути отступления и пути подвозов* (коммуникационной линии) армии. К бою старается сосредоточить возможно больше сил, как количественно, так и качественно (замена войск Гамильтона войсками Горна).

Действия Густава Адольфа в этот период войны воскрешают в памяти давно забытый поход Александра Македонского в Персию и Египет до сражения при Гавгамелах.

Операции 1631 г. после Брейтенфельдского сражения. Брейтенфельдское сражение произвело сильное впечатление во всей Германии. Победа Густава Адольфа изгладила последние предубеждения против него и доставила ему популярность среди протестантов, между тем как католические владетели, в особенности курфюрст Баварский, более других затронутый разгромом имперцев, начали трепетать. Но Фердинанд II не упал духом; он спокойно выслушал весть о поражении и только приказал отправить все свободные войска на усиление Тилли.

Между тем Густав Адольф предоставил саксонцам занятие Силезии и Богемии, а гессен-касельцам наблюдение за Тилли; сам же двинулся к р. Майн с целью присоединения

на пути союзных войск и для завоевания земель, принадлежавших католическим князьям.

Богатая Франкония обладала многими сокровищами и продовольствием; она не имела значительных крепостей и состояла из мелких владений, которые легче было привлечь на свою сторону, чем крупные. Для короля было весьма естественно, выступив из Лейпцига, занять ее, затем отрезать Тилли от Австрии и Баварии, изгнать его из Гессена и таким образом отделить Австрию от католических владений на Нижнем и Среднем Рейне, а также от неприятельских войск, остававшихся в Вестфалии и Нижней Саксонии, с тем чтобы окончательно изолировать всю Южную Германию от всей Северной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.